

— Ты просто не хочешь тренироваться, да? — с пониманием произнесла школьный врач.

— Нет-нет, это мой младший брат, я за него беспокоюсь. Как только очнётся — сразу уйду, — покачал головой Гу Чанъань.

— А, ну ладно. Если устал — приляг. А ему, если надо, я справку выпишу, — улыбнулась врач.

Гу Чанъань почесал затылок. — Э... А разве не говорили, что в нашей школе справки во время военной подготовки не дают, если не серьёзно заболел?

Врач махнула рукой. — Эх, если вчера под дождём промок — значит, это тот самый, с длинной шеей, командир. Мы все знаем, какой он. Сейчас твой братец вроде ничего, но вернётся на занятия — может хуже стать. Да и вы оба такие симпатичные, у тёти настроение хорошее — вот и хочется вам помочь. Разве нет?

Гу Чанъань внутренне чуть не расплакался от умиления. Всё-таки тёти, примерно как мама по возрасту, — самые душевные.

— Спасибо вам, тётя!

— Ладно, присматривай за ним. У меня тут ещё куча студентов, я пошла.

Проводив взглядом добрую женщину, Гу Чанъань открыл в медпункте окно, придвинул стул к кровати Линь Го и сел рядом.

Глядя на его обветренные, слегка потрескавшиеся губы, он и сам почувствовал, как пересохло в горле. Пошёл в холл, к автомату, купил две бутылки воды.

Вернувшись с водой в комнату отдыха, он увидел, что Линь Го ещё не проснулся. В помещении было прохладно, так что, скорее всего, это не обморок, а просто глубокий сон от усталости.

Он сделал несколько больших глотков, опустошив половину бутылки, затем порылся в соседнем шкафчике — ватных палочек или чего-то подобного не нашлось. Вымыв руки в умывальнике, он налил немного воды в крышечку и, смочив палец, осторожно провёл им по губам Линь Го.

Может, из-за ощущения от прикосновения к его губам, а может, из-за какого-то смутного, необъяснимого чувства — но Гу Чанъань, будто движимый неведомой силой, медленно наклонился и коснулся губами его губ.

Действительно, ещё мягче, чем казалось на ощупь.

Он кончиком языка слегка лизнул губу Линь Го, затем, с чувством удовлетворения и лёгкой дрожью, закрыл глаза — словно ребёнок, стащивший конфету.

Нехотя оторвавшись от его мягких губ, он прижался лбом ко лбу Линь Го.

Но едва он открыл глаза — увидел, что Линь Го смотрит на него во все глаза.

От неожиданности Гу Чанъань чуть не отпрыгнул на метр. Смущённо кашлянув, он спросил:

— Очнулся? Воды хочешь?

Линь Го приподнялся. За целое утро он пил лишь раз, и сейчас его мучила жажда. Взяв у Гу

Чанъаня уже открытую бутылку, он залпом опустошил половину.

В обычной ситуации Линь Го непременно подколол бы Гу Чанъаня, выразив удивление и благодарность, а потом попробовал бы выторговать справку или спросить, почему это именно он принёс его в медпункт и почему всё ещё здесь.

Но сейчас ситуация была далеко не обычной. Линь Го почувствовал прикосновение к губам, открыл глаза и увидел лицо Гу Чанъаня вплотную к своему, тот всё ещё прижимался лбом и был с закрытыми глазами.

Что сказать? Спросить, зачем он это сделал? Или сделать вид, что ничего не заметил?

Возвращая бутылку, Линь Го, не успев как следует обдумать, выпалил:

— Понравилось?

Движение Гу Чанъаня, ставившего бутылку, замерло на секунду. Единственное, что выдавало его нервозность и смущение, — были ярко-красные уши.

Чёрт, что делать? Он же проснулся, когда я его целовал? Всё, конец. Теперь он наверняка считает меня извращенцем...

Вот идиот, не мог сдержаться!

Гу Чанъань опустил голову, как провинившийся ребёнок, ждущий наказания. — Неплохо.

Блин! Что за чушь я несу?! Надо было извиниться и объясниться! Какое ещё «неплохо»?!

Внутренне Гу Чанъань уже называл себя идиотом. Опёршись локтём о край кровати и закрыв глаза рукой, он с отчаянием произнёс:

— Нет, послушай...

Но в тот же момент Линь Го спросил:

— Почему это ты здесь?

Гу Чанъань мысленно поблагодарил его за смену темы. Выпрямившись, он уставился в пол. — Ну... как верный друг, должен же я проявить заботу.

— А почему не ушёл? — спросил Линь Го.

— Я же с тобой остался, — ответил Гу Чанъань.

— Не гони, просто сам отдохнуть хотел, да? — сказал Линь Го.

— Неблагодарный, — Гу Чанъань бросил на него сердитый взгляд и отвернулся. — Я же просто волновался за тебя...

Линь Го промолчал.

В комнате воцарилась тишина — настолько глубокая, что Гу Чанъань, казалось, слышал лишь их дыхание да шум ветра за окном. Даже сильный сквозняк не мог развеять странную, слегка напряжённую атмосферу.

Чувствуя неловкость, он наконец произнёс:

— Кстати, врач сказала, ты простудился, температура небольшая. Может выписать справку на несколько дней.

— Гу Чанъань, — услышав своё имя, он рефлекторно поднял на него взгляд.

И совершенно неожиданно Линь Го наклонился вперёд, прижавшись лбом к его лбу.

На этот раз Гу Чанъань почувствовал, как дыхание замирает не на секунду, а минимум на три.

Линь Го положил руки ему на уши, потрогал покрасневшие и горячие мочки, тихонько усмехнулся и, прикрыв их ладонями, сказал:

— Гу Чанъань, я теперь хочу произвести тебя в главную супругу.

Последние дни Гу Чанъань был чертовски раздражён — настолько, что все обходили его стороной.

Причина раздражения была не только в том, что он самовольно покинул строй, нахамил инструктору, а в понедельник утром отчитался с повинной и при всех извинился перед командиром второй роты. Главное — это происшествие в медпункте.

Хотя Линь Го и прикрыл ему уши, он всё равно расслышал слова — он ведь не глухой.

Подобные шуточки он и сам часто отпускал, но в той атмосфере, когда они стояли лоб в лоб, это уже вряд ли было просто шуткой.

«Может, у Линь Го из-за температуры сознание помутилось?» — «Вряд ли, казался вполне вменяемым».

«Или это я своей красотой его в другую сторону склонил?» — «Гу Чанъань, не льсти себе. Ты что, герой романа?»

«А может, он давно на меня положил глаз?» — «...Да не гони. Скорее уж ты на него положил глаз — ты же с первой встречи хотел с ним встречаться».

«...Да я же в первый раз не разглядел, думал, девушка!» — «Ты что, идиот? Мужика от бабы не отличишь? Ниже не видно — так хоть горло посмотри!»

«Блин, на нём же водолазка была! Ты вообще чей? Я сейчас не про то, идиот я или нет! Я спрашиваю — что он имел в виду?!» — «Ты у меня спрашиваешь? Ты не идиот, ты просто кретин. Ты же сам с собой разговариваешь?»

Вот такой в основном и был внутренний монолог Гу Чанъаня после случая в медпункте — диалог между его внутренним ангелом с матерной речью и ругающимся демоном.

Целую неделю Гу Чанъань не поднимался к Линь Го, и тот тоже не искал с ним встречи.

С одной стороны, он был даже рад, что Линь Го не пришёл — а то он и не знал, что сказать. С другой — злился: целую неделю ни разу не написал! Вот тебе и благодарность.

Даже в последний день военной подготовки Линь Го так и не появился.

Что удивительно — живя в одном здании, поднимаясь и спускаясь, собираясь и расходясь, они ни разу не столкнулись лицом к лицу.

Ещё удивительнее было то, что трое соседей Линь Го, и особенно Лу Мэнбай, даже не попытались поязвить. Да и его собственные соседи по комнате тоже ни о чём не спрашивали.

Провожая инструкторов, Гу Чанъань махал рукой и думал: «Ладно, будь что будет. Сам к нему пойду. Если сделает вид, что ничего не было, — значит, так и было. А если нет...»

Чёрт, а если он не забудет, что мне тогда делать?

Под вечер Гу Чанъань, облачившись в давно не надеваемые футболку и шорты, сидел на ступеньках южного стадиона, докуривая сигарету. Раздавив окурок о бетон, он метким броском отправил его в урну за оградой.

Он провёл рукой по волосам. Чёрт, Гу, ну и разнюнился ты, прямо как баба.

Вернувшись в общежитие, он зашёл в магазинчик на первом этаже, купил бутылку воды и, пока поднимался по лестнице, выпил её до дна. Переступив порог комнаты, услышал от Ху Юя:

— Только вернулся? Линь Го тебя искал.

— Меня? — Гу Чанъань ткнул пальцем в себя, широко раскрыв глаза.

<http://bllate.org/book/16270/1464159>